

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
Н. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 11 марта 1882
27 февраля

СОДЕРЖАНІЕ.

1) Начало конца. — 2) Выписка изъ письма. — 3) Нѣмцы о Скобелевѣ. — 4) Донесъ на зачпнающуюся въ Вильнѣ польскую интригу. — 5) Поправка къ процессу 20-ти. — 6) Конечная цѣль и политика трехимперскаго союза (окончаніе). — 7) Германство на Востокъ и Московщина на Западъ, М. Драгоманова. — 8) Изъ Дубровника (корреспонденція «Вольн. Слова»), П—пча. — 9) За цесаремъ служба не пропадаетъ. — 10) Хроника рабочаго движенія: I. Германія. II. Испанія. III. Франція. — 11) Среди галицкой сумятицы: I. «Czas» и «Діло». II. Кого слушать? III. Caeterum censeo. IV. Прямая и косвенная ложь въ газетѣ «честнаго» г. Аксакова, М. Д.

Женева, 11 марта 1882 г.

Проекъ свѣдущихъ людей о мѣрахъ противъ пьянства подвергся, какъ и слѣдовало ожидать, министерской цензурѣ и измѣненіямъ безъ объясненія причинъ.

Проекъ министра финансовъ объ учрежденіи крестьянскаго поземельнаго банка, помимо всякихъ свѣдущихъ людей, поступилъ прямо на обсужденіе государственнаго совѣта.

Вновь собравшіеся для обсужденія переселенческаго вопроса свѣдущіе люди, призванные рѣшить этотъ вопросъ для всей Россіи, привезли съ собою свѣдѣнія по переселеніямъ крестьянъ не болѣе, какъ изъ трехъ—четырехъ уѣздовъ, и въ свою очередь ожидаютъ правительственныхъ измѣненій, безъ объясненія причинъ, и всякихъ отмѣнъ въ цѣломъ или въ частностяхъ выработанныхъ ими предположеній.

И такъ, съ одной стороны, далеко не совершенная, по недостатку знакомства съ мѣстностями и по отсутствію всякихъ полномочій отъ населенія, работа на удачу выбранныхъ свѣдущихъ людей, съ другой — ничѣмъ немотивированная, а главное вовсе неоснованная на соображеніи съ дѣйствительностію помарки въ этой работѣ, дѣлаемая властною рукою мини-

стерскихъ канцелярій, наконецъ, прямое обращеніе къ законодательной власти, безъ предварительнаго съ кѣмъ бы то ни было совѣщанія, тѣхъ же канцелярій по вопросу (о крестьянскомъ банкѣ), стоящему въ тѣсной зависимости съ разсматриваемымъ свѣдущими людьми вопросомъ о движеніи крестьянскихъ переселеній, — таковы «способы изысканія» мѣръ къ благодѣтельствуванію народа, къ устраненію изъ его среды разрушительнаго въ нравственномъ и матерьяльномъ отношеніи пьянства и лежащагося тяжелымъ тормазомъ «на преуспѣяніе его экономического быта» малоземелья. Не далеко уйдешь съ такими «способами изысканія»! Но на кого же падетъ отвѣтственность за неизбѣжную при такихъ условіяхъ неуспѣшность придуманныхъ мѣръ? Говорятъ, на правительство. Новѣдъ правительство по закону неотвѣтственно, стало быть, не выходя изъ рамокъ законности «освященнаго вѣками и національнымъ духомъ» нашего государственнаго строя, остается все дѣло настоящихъ и будущихъ преобразованій, задуманныхъ будто бы на благо общее, предать въ руки божія, надѣяться на возмездіе правительственному невѣжеству на страшномъ судѣ, гдѣ при томъ же — и этого не слѣдуетъ забывать — по предустановленному благимъ провидѣніемъ порядку, слабоумныхъ не наказываютъ, а о злыхъ имѣютъ понятія слишкомъ своеобразныя, въ силу которыхъ «пещись о хлѣбѣ насущномъ» не очень то и слѣдуетъ.

Но можетъ ли вообще надежда на загробный судъ божій успокоить нынѣ живущихъ на землѣ? Можетъ ли считать себя обезпеченною отъ противозаконныхъ насилій такая земная власть, которая не желаетъ признать себя отвѣтственною по закону?

Исторія и текуція событія даютъ на эти вопросы вполне ясныя и опредѣлен-

ные отвѣты. Не желающіе ихъ слышать, отворачивающіе глаза отъ дѣйствительности и морочащіе себя и другихъ туманными теоріями о божественной сущности всякой власти на землѣ, недостижимой для обыкновенныхъ смертныхъ, пусть же не пеняютъ на жизнь, когда она, управляемая законами права и справедливости и неудержимо стремясь къ водворенію истины на землѣ, начинаетъ опрокидывать кумиры самовластія, топчетъ въ прахъ воздвигаемыя недоумками искусственныя и потому самому лишь временныя преграды и силою вещей осмѣиваетъ завѣты «давно минувшихъ дней», «преданья старины глубокой», когда общество было еще далеко отъ самосознанія, когда огромное большинство народа гнулось и стонало подъ игомъ крѣпостничества, — помѣщичьяго, монастырскаго, царскаго, государственнаго.

Близорукое петербургское правительство и слѣпорожденные московскіе пророки не замѣчаютъ, конечно, или, вѣрнѣе, не понимаютъ, не могутъ понять уже поднявшагося движенія въ разныхъ областяхъ Россійской Имперіи. Кто нащупываетъ въ этомъ движеніи польскую интригу, кто — крамольные происки нигилистовъ, кто — властолюбивые замыслы либераловъ. Не видятъ или не хотятъ видѣть того, что даетъ пищу и т. н. польской интригѣ, и крамольнымъ проискамъ нигилистовъ, и властолюбивымъ замысламъ либераловъ и всякаго рода проходимцевъ: не видятъ и не хотятъ видѣть всеобщаго неудовольствія, всеміи чувствуемаго и многими сознаннымъ безсилія правительства, при упорствѣ его пристрастія къ нынѣшней формѣ правленія и государственнаго устройства, сохранить внутренній миръ, править страной на началахъ законности.

Понятно, что по причинѣ своей близорукости или слѣпорожденности они не

замѣчаютъ и грозовой тучи, надвигающейся на нашъ политическій горизонтъ и заволакивающей собою незначительныя сравнительно облачка и нигилизма, и либерализма, и пресловутой польской интриги.

Блаженны вѣрующіе; но какъ глупы вѣрующіе въ «незыблемость основъ» нашего нынѣшняго государственнаго строя!

Займствуемъ изъ полученнаго нами изъ Петербурга письма слѣдующія строки:

«Дѣло государственнаго управления можно считать въ состояніи полной неподвижности. Въ личномъ составѣ высшаго правительства, кромѣ Игнатѣва, всѣ безъ исключенія—нули. Но и Игнатѣвъ, кажется, предпочитаетъ не утруждать слишкомъ своей головы углубленіемъ въ дѣла и лавируетъ на поверхности, оберегая главнымъ образомъ свое министерское кресло. Отсюда погоня за жиденькою популярностію, отсутствіе общаго плана дѣйствія и сколько нибудь рѣшительныхъ мѣръ въ смыслѣ установленія правового порядка. Думаю, что нашъ премьеръ не видитъ ничего вперед и потому въ правительствѣ легко теряютъ головы и всѣмъ овладѣваетъ безотчетная паника при сколько нибудь выходящемъ изъ ряда вонъ случаѣ общественнаго движенія. Говорить, на югѣ подготавливается именно одно изъ такихъ движеній.

«Глава государства, кажется, еще при-сматривается; но кружокъ его очень неудаченъ; этимъ пользуются пока проходимцы и съ трепетомъ ожидаютъ того, по всей вѣроятности, недалекаго будущаго, когда гатчинскій отшельникъ изъ наблюдательнаго состоянія перейдетъ въ активное.»

Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, недавно возвратившійся въ столицу, проѣздомъ черезъ Германію сообщаетъ намъ, «что здѣсь (т. е. въ Германіи), ходятъ самыя разнообразныя толки о (парижской) рѣши Скобелева, общій характеръ которыхъ самая глубокая ненависть къ нему. Говорятъ о Скобелевѣ, нѣмцы обыкновенно надувались, потрясали кулаками, употребляли при этомъ самыя энергическія выраженія и «жалкія» слова... «Но, заключали они себя въ утѣшеніе, царь Александръ III не хочетъ войны!» Допрашивали и нашего корреспондента: «любить ли онъ нѣмцевъ?»

По словамъ того же лица, виѣшній видъ Петербурга значительно измѣнился: «полиціи какъ будто поменьше, дворники днемъ не видно, висовываются они только ночью и то словно попятаны по угламъ, такъ что чело-вѣку неминутельно даже и не замѣтно.»

Вновь испеченный тайный совѣтникъ Катковъ усердно доноситъ правительству на зачинающуюся въ Вильнѣ польскую интригу, состоящую въ томъ, что поляки въ клубѣ говорятъ по польски и что открытое въ прошломъ году мѣстное сельско-хозяйствен-

ное общество почти исключительно состоитъ изъ поляковъ. Кто же виноватъ, что къ литвицамъ и бѣлоруссамъ не прививается «обрусеніе» и что образованные классы въ западномъ краѣ состоятъ почти исключительно изъ представителей польской или ополяченныхъ національностей? Признайте за бѣлоруссомъ право быть бѣлоруссомъ, а за литовцемъ право быть литовцемъ, — тогда представители обѣихъ этихъ національностей перестанутъ полячиться и заговаривать каждый по своему. Москвичами же они никогда не станутъ и стать не могутъ.

Какъ видно изъ опубликованнаго въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» правительственнаго сообщенія, по приговору особаго при-судствія сената, вынесенному въ 11 часовъ ночи 28 февраля, Тригона, Баранниковъ и Меркуловъ приговорены не къ смертной казни, а къ слѣдующимъ наказаніямъ: первый къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ на 20 лѣтъ, а послѣдніе къ такимъ же работамъ безъ срока. За тѣмъ, кромѣ поименованныхъ въ нашемъ отчетѣ 7-ми лицъ (см. № 29 «Вольн. Сл.»), приговорены къ смертной казни еще слѣдующіе три лица: Тетерка, Фроленко и г-жа Лымова.

Относительно Фриденсона и Люстига судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи слѣдуемаго имъ по закону наказанія, предполагая двадцатилѣтнюю каторжную работу въ рудникахъ замѣнить для Фриденсона десяти-лѣтнею каторгою въ крѣпостяхъ, а для Люстига — четырехлѣтнею на заводахъ.

КОНЕЧНАЯ ЦѢЛЬ И ПОЛИТИКА ТРЕХИМПЕРСКАГО СОЮЗА.

(Окончаніе).

Разсматривая (въ № 27) традиціонную политику Россіи и Австро-Венгріи на балканскомъ полуостровѣ, мы видѣли, что она имѣла въ предыдущіе эпохи свое разумное основаніе для каждой изъ этихъ имперій и приносила имъ практическія выгоды, пока та и другая не достигли въ этомъ направленіи своихъ естественныхъ предѣловъ и пока въ самихъ народахъ полуострова не проснулось національное самосознаніе.

Мы показали также, что, не будучи въ состояніи ни колонизировать балканскія страны, ни ассимилировать ихъ своему національному организму, ни даже употребить въ собственную пользу ихъ естественныя богатства, Россія и Австро-Венгрія не могутъ прочно утвердиться на полуостровѣ, а должны довольствоваться военною оккупациею, какъ дѣлаетъ австро-венгерское правительство въ Босніи-Герцеговинѣ, или политическимъ вліяніемъ, какимъ теперь пользуется послѣднее въ Сербіи и Черногоріи, а русское правительство въ Болгаріи.

Оккупация Босніи - Герцеговины, не смотря на то, что она была предпринята въ 1878 г. съ согласія всей Европы и даже Турціи, могла быть совершена только послѣ утомительнаго и кровопролит-

наго похода. Черезъ 3 года*) тамъ вспыхиваетъ почти всеобщее возстаніе, которое заставляетъ австрійцевъ предпринимать новый походъ съ увеличенными силами и, такъ сказать, вторично произвести оккупацию; при этомъ возстаніе не ограничивается оккупированною областью, а захватываетъ и Австрійскую провинцію Бокку.

Возстаніе это будетъ, вѣроятно, подавлено, но не иначе, какъ цѣною большаго напряженія военныхъ силъ и финансовыхъ средствъ габсбургской монархіи, — и то, впрочемъ, только благодаря общеполитическому положенію, особенно ей благопріятному. Несомнѣнно, однако, что возстаніе возобновится опять черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени и будетъ повторяться, — все равно присоединить ли къ себѣ Австрія формально Боснію-Герцеговину, или оставить ее въ теперешнемъ неопредѣленномъ положеніи, — до тѣхъ поръ, пока Австрія не выведетъ своихъ войскъ изъ страны и не оставитъ ее въ покоѣ, или же не займетъ войскомъ и сосѣднія княжества, изъ которыхъ (хотя и противъ воли княжескихъ правительствъ) босно-герцеговинцы получаютъ помощь и одобряются на борьбу. Расширеніе же сферы оккупации, возможное только при особомъ соглашеніи вѣнскаго кабинета съ другими великими державами, было бы равнозначуще съ расширеніемъ сферы періодическихъ возстаній или — правильнѣе — войнъ, счастливое окончаніе которыхъ обусловливалось бы каждый разъ не одними успѣхами австрійскаго оружія, но и полнѣйшимъ сохраненіемъ дружбы другнхъ державъ, особенно же Германіи и Россіи.

Политическое вліяніе сопряжено съ меньшими неудобствами, нежели военная оккупация, но представляетъ еще менѣе залоговъ прочности. Оно находится въ зависимости (какъ, напр., австрійское вліяніе въ Сербіи въ настоящую минуту) отъ прочности министерства или даже отъ постоянства личныхъ чувствъ государя страны. Кромѣ того, вліяніе, требующее всегда отъ сильной державы матеріальныхъ жертвъ въ пользу слабой, имѣетъ всю свою цѣну только подъ условіемъ быть рѣшающимъ, исключительнымъ. Но такое вліяніе естественно вызываетъ противодѣйствіе со стороны дипломатическихъ представителей другихъ правительствъ и сопротивленіе партій, не у власти находящейся, которая, въ борьбѣ противъ чужеземнаго преобладанія, непременно становится популярною и, рано или поздно, достигаетъ господства въ странѣ. Передъ державой, теряющей такимъ образомъ вліяніе, пріобрѣсти и поддерживать которое ей стоило не мало жертвъ и усилій, является та же альтернатива, какъ и передъ оккупационной державой: идти назадъ или впередъ, —

*) Австрійскія войска вступили въ Боснію - Герцеговину въ концѣ Іюля 1878 г., а первое появленіе возстанія относится къ концу Іюля 1881 г.

утверждать свое влияние военнымъ занятіемъ страны, или отказаться отъ исключительныхъ притязаній и довольствоваться той долей влияния, которое въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ ей доставить минутное совпаденіе интересовъ или лояльность ея дипломатіи.

Замѣчательно, что всѣ русскіе протекторы, имѣвшіе мѣсто въ предѣлахъ естественнаго развитія русскаго государства, такъ сказать, на его собственной территоріи, вели неизмѣнно къ присоединенію: такъ было съ Крымомъ, Грузіей, другими закавказскими владѣніями и, въ новѣйшее время, съ среднеазиатскими*).

Совершенно иной былъ исходъ русскаго преобладанія, какъ бы исключительно оно ни было, въ равнины восточной Европы или степей внутренней Азіи съ ихъ естественными окраинами. Вліяніе на Швецію исчезло безъ слѣда. Вліяніе Россіи на мелкія германскія государства замѣнилось вліяніемъ единой германской имперіи на Россію. Наконецъ, и русское преобладаніе въ балканскихъ странахъ, принимавшее видъ формальнаго протектората и сопровождаемое военными оккупациями**), повсюду утратило свой исключительный характеръ, или даже перешло къ соперничающимъ державамъ. Такъ было въ Греціи, Румыніи, самой Турціи, такъ на нашихъ глазахъ совершилось въ Сербіи и совершается нынѣ въ Черногоріи.

Въ настоящее время намъ осталось только рѣшающее вліяніе въ Болгарскомъ княжествѣ, опирающееся, между прочимъ, и на подчиненіе русскимъ офицерамъ и чиновникамъ болгарской арміи и военной, а отчасти и гражданской, администраціи. Нѣтъ, однако, причины сомнѣваться, что и этотъ протекторатъ придетъ къ такому же концу, какъ и предыдущіе. Продолженіе его возможно только цѣною содѣйствія болгарскимъ стремленіямъ на югъ и юго-западъ, и то единственно вплоть до удовлетворенія оныхъ, послѣ котораго намъ придется или отречься отъ нашего исключительнаго положенія въ Болгаріи, или же приступить къ дѣйствительному завладѣнію страной, а это немислимо безъ развитія нашихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ и даже безъ нашего утвержденія въ Румыніи, если не на берегахъ Босфора.

Нельзя отрицать, однако, что балканскіе народы съ Россіею соединяютъ могущественныя связи: нѣкоторыхъ — единство происхожденія, всѣхъ же — столь существенное на Востокѣ единство вѣры и одинаковость историческихъ судебъ: вѣковой напоръ туранцевъ съ востока и

германцевъ съ запада; было бы также несправедливо не признать, что всѣ и каждый изъ балканскихъ народовъ своимъ національнымъ возмущеніемъ и своей политическою независимостью существенно обязаны Россіи.

Эти связи и воспоминанія не потеряли и нынѣ своего значенія; они могутъ, въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ, послужить основаніемъ постоянному союзу народовъ балканскаго полуострова съ народами восточно-европейской равнины. Такой союзъ, однако, возможенъ только на условіи признанія за каждымъ народомъ права на самобытность и самоопредѣленіе и при полномъ отреченіи сильнѣйшихъ народовъ отъ политическаго преобладанія, — этой первой ступени завоеванія, — надъ слабѣйшими.

Поэтому, толки о неблагодарности тѣхъ, которые и за освобожденіе отъ тягостнаго ига не хотятъ платить вѣчнымъ подчиненіемъ другому игу, хотя бы и болѣе легкому, — не имѣютъ смысла. Балканскіе народы повинуются стремленію, существующему каждому живому народу, къ самостоятельному политическому существованію, на которое имъ даетъ право ихъ проснувшееся національное самосознаніе и ихъ географическое положеніе, со всей сложностью поражаемыхъ имъ особыхъ матеріальныхъ и культурныхъ интересовъ.

Если же эти народы не могутъ безъ самоотреченія руководствоваться исключительно благодарностью за дѣйствительныя благодѣянія Россіи въ прошедшемъ, то еще менѣе можно ожидать, чтобы они ощущали благодарность за сулимыя имъ Австріей благодѣянія въ будущемъ. Поэтому, хотя босно-герцеговинская оккупация и даетъ Австріи возможность охватывать съ трехъ сторонъ, какъ Сербію, такъ и Черногорію, и производить на нихъ давленіе всею тяжестью своего матеріальнаго превосходства, своей усовершенствованной организаціи и своей высшей культуры, — вліяніе ея на эти княжества, можетъ быть утверждено только ихъ военнымъ занятіемъ, которое, въ свою очередь, можетъ получить характеръ прочности только при распространеніи его до береговъ Эгейскаго моря.

Движеніе на Салоники составляетъ естественное послѣдствіе и истинную цѣль босно-герцеговинской оккупации, но въ то же время оно такое крупное предпріятіе, которое такъ несомнѣнно вызоветъ сопротивленіе населеній полуострова, а, можетъ быть, и западныхъ державъ, и вообще создастъ для Австро-Венгріи такое опасное положеніе, что можно быть увѣреннымъ въ томъ, что она на него рѣшится, только вполне обезпеченная согласіемъ Россіи и дѣятельною поддержкой Германіи.

Соперничество Россіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ вытекало само собою изъ одинаковости видовъ, которые та и другая имперія имѣла на наслѣдство «большаго человѣка». Историки, однако, недостаточно обратили вниманіе на

то обстоятельство, что, не смотря на непрерывную дипломатическую и агитаторскую борьбу, которую оба правительства ведутъ уже два вѣка одинъ противъ другаго на Востокѣ и которая не разъ грозила имъ разрывомъ, — между ними никогда не было войны; всякое столкновеніе, напротивъ, оканчивалось соглашеніемъ — прежде насчетъ Порты, въ послѣднее время — насчетъ балканскихъ народовъ. Идея «основнаго соглашенія», т. е. совершеннаго раздѣла балканскаго полуострова, — идея не новая. Она была формально принята Екатериною II и Іосифомъ II, потомъ въ измѣненномъ видѣ возобновлена Наполеономъ I, и вообще никогда не исчезала совершенно изъ дипломатическихъ концептовъ. Въ наши дни, она проявилась, — правда, въ болѣе скромной формѣ, — въ миссіи гр. Сумарокова и на Рейхштадтскомъ свиданіи 1876 г., наконецъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, идея «болѣе точнаго опредѣленія русской и австрійской сферы интересовъ на балканскомъ полуостровѣ» была предметомъ серьезнаго обсужденія въ Данингѣ и Петербургѣ въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года.

Но, тогда какъ всѣ прежніе австро-русскіе переговоры велись съ цѣлю достигнуть *une entente à deux*, новѣйшіе, начиная съ 1875 г., ведутся для достиженія *d'une entente à trois*.

Это обстоятельство величайшей важности. Слабая Пруссія употребляла всѣ усилія, чтобы помѣшать Австріи и Россіи согласиться на Востокѣ. Могущественная Германія поставила одною изъ главныхъ задачъ своей политики привести своихъ двухъ союзниковъ къ согласному рѣшенію Восточнаго вопроса. Иногда явной, а, болѣею частію, скрытой инициативѣ берлинскаго кабинета, принадлежитъ категорическая постановка этого вопроса и значительные шаги, сдѣланные въ послѣдніе годы, въ смыслѣ его разрѣшенія. Въ 1875—76 гг., русское правительство не желало войны, а австрійское оккупации; они были оба вовлечены въ дѣйствіе, которое ихъ опытнѣйшимъ и дальновиднѣйшимъ государственнымъ людямъ казалось вреднымъ и опаснымъ для ихъ государственнаго интереса. И въ настоящее время, мы склонны думать, что Австрія желала бы пока ограничиться утвержденіемъ въ Босніи-Герцеговинѣ, Россія же сохраненіемъ своего вліянія въ Болгаріи; та же рука толкаетъ ихъ далѣе и весьма возможно, что успѣетъ вовлечь въ дальнѣйшее дѣйствіе.

Въ прошлой и настоящей статьяхъ нашихъ, мы разобрали сперва выгоды, а потомъ невыгоды, которыя должны послѣдовать для Россіи и Австро-Венгріи отъ продолженія, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, ихъ традиціонной политики на Балканскомъ полуостровѣ. Мы показали невозможность ихъ господства на немъ иначе, какъ посредствомъ постоянной военной оккупации, съ сопровождающими ея возстаніями и вѣчными замѣшательствами; важнѣйшее не-

*) Къ тому же привело и русское преобладаніе въ Польшѣ при Екатеринѣ II, съ тою только разницею, что западныя польскія области были отданы Пруссіи и Австріи, но въ послѣдствіи, подъ именемъ Царства Польскаго, все таки были соединены съ Россіею.

**) Въ менѣе, чѣмъ 100 лѣтъ, въ Румыніи было 6 русскихъ оккупаций, продолжавшихся въ сложности 37 лѣтъ: 1769—1774, 1787—1792, 1806—1812, 1828—1844, 1849—1852 и 1853—1854 гг. Мы не считаемъ послѣдней въ 1877—78 гг.

удобство такого положенія и величайшая опасность для Россіи, какъ и для Австро-Венгрии, это — зависимость отъ третьяго союзника, которая будетъ тѣмъ болѣе полная, чѣмъ далѣе та или другая держава дастъ себя вовлечь.

ГЕРМАНСТВО НА ВОСТОКѢ И МОСКОВЩИНА НА ЗАПАДѢ.

Рѣчи ген. Скобелева придали жару немолчающимъ уже нѣсколько лѣтъ разговорамъ о предстоящемъ столкновеніи между племенемъ германскимъ, предводимымъ Пруссіей, и племенами славянскими, предводимыми Россією. Откинувши даже добрую долю на газетную болтовню, служащую для препровожденія времени публицистовъ и публики, — все таки нельзя не признать въ этихъ разговорахъ значительной доли серьезнаго.

Германское племя движется на Востокъ уже болѣе десяти вѣковъ и въ этомъ движеніи поглотило и подчинило себѣ не одинъ славянский народъ. Московское государство, съ XVII в. особенно, двинулось на встрѣчу германскому *Drang nach Osten* и, ставши Россією, соприкоснулось наконецъ съ воинственнымъ нѣмецкимъ государствомъ, Пруссією, и съ ея соперникомъ-союзникомъ, Австріей, по всей западной границѣ. Уже съ XVIII в. намѣтилось соперничество Россіи съ Австріей, — въ этомъ отношеніи и тогда уже поддерживаемой со стороны Пруссіи, — за вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Въ германской публикѣ очень распространена мысль о необходимости подчиненія Дунайско-Балканскихъ земель нѣмецкому вліянію. Изъ многочисленной литературы, въ которой высказана эта мысль, мы укажемъ только нѣсколько примѣровъ, взявъ ихъ у авторовъ весьма разнообразныхъ партий и значительной извѣстности.

Мы очень сожалѣемъ, что не имѣемъ подъ рукою собранія сочиненій Листа, котораго почитаютъ основателемъ національной экономіи въ Германіи, и потому должны лишиться читателей поучительности прочувствовать всю силу не только мыслей, но и выраженій этого писателя по занимающему насъ вопросу. Мы передадимъ эти мысли по изложенію Рошера (*Geschichte der National Ökonomik in Deutschland*; 987—988), сохраняя и его ссылки на полное собраніе сочиненій его предшественника. Въ основу своихъ экономическихъ расчетовъ для нѣмецкой націи Листъ кладетъ политическій союзъ средней Европы подъ гегемоніей Пруссіи. Въ этомъ союзѣ должны принять участіе и «береговья государства», т. е. Голландія и Данія, а также страны до Балканскаго хребта, — чтобы такимъ образомъ получилась Германія, прилегающая къ четыремъ морямъ (Сѣверному, Балтійскому, Адриатическому и Черному). (*Ges. Schrift.* II, 211). Такая Германія будетъ своего рода грозой противъ Франціи и Россіи, которыми потому кажутся опасными нѣмецкому экономисту, что онѣ оба стремятся пополнить свои «неисполненные національности» присоединеніемъ

нѣмецкихъ земель (II, 442). «Особенно, говоритъ Рошеръ, беретъ Листа забота и истинное отвращеніе относительно Россіи: онъ сравниваетъ ее съ лютымъ звѣремъ, который тогда только лежитъ спокойно, когда перевариваетъ проглоченную пищу (собственно — жратву, *Frass*), или подкрѣпляетъ себя сномъ, или выжидаетъ новую добычу. Если этотъ звѣрь, по странной игрѣ природы, получитъ человѣческую голову, то онъ сдѣлается еще страшнѣе, такъ какъ онъ сможетъ примѣнять свой звѣрскій инстинктъ тѣмъ съ болѣею послѣдовательностію, искусствомъ и кажущеюся умѣренностію» (II, 315). [Такъ у Рошера, въ его «Началахъ народнаго хозяйства», читаемъ: «Наши переселенцы въ Россію, Америку, Австралію и Алжиръ отправляются изъ отечества со всѣмъ, что они имѣютъ, и болѣею частію для насъ погибаютъ: они становятся покупателями и поставщиками чужихъ народовъ, которые часто наши соперники и враги. Дѣло пошло бы совсѣмъ иначе, если бы нѣмецкихъ переселенцевъ отправили въ нѣмецкія колоніи, которыя можно устроить, напр., въ плодосныхъ, но рѣдко населенныхъ частяхъ Венгрии, въ польскихъ провинціяхъ Польши и Пруссіи, наконецъ, въ тѣхъ частяхъ Турціи, которыя въ будущемъ, Богъ дастъ, составятъ наслѣдіе Германіи. Здѣсь путемъ колонизаціи можно было бы основать новую Германію, которая превзошла бы старую и величійною, и числомъ населенія, и богатствомъ, и образовала бы вмѣстѣ съ тѣмъ самый вѣрный оплотъ отъ всякой опасности со стороны русскихъ и поляковъ. Этой страной могли бы мѣ, по отношенію къ народному хозяйству, точно также воспользоваться, какъ соединенные Штаты воспользовались долиною Миссисиппи и далекимъ Западомъ, особенно же во всемъ томъ, что касается фактически исключительнаго пользованія». (Рошеръ, *op. cit.*, русскій переводъ, т. I, отд. 2, стр. 323).

Въ 1863 г. социалистъ Фердинандъ Лассаль писалъ Родбертусу (бывшему министру), что онъ съ удовольствіемъ прочелъ въ брошюрѣ одного пруссика слова: «я надѣюсь еще дожить до того времени, когда наслѣдство Турціи достанется Германіи и когда полки нѣмецкихъ солдатъ или работниковъ станутъ на Босфорѣ». Относительно не-германскихъ народовъ, которые оказались бы такимъ образомъ подъ нѣмецкими солдатами или рабочими, — знаменитый демагогъ выражается такъ: «нѣтъ, я вовсе не сторонникъ принципа національностей. Я требую правъ національности только для большихъ культурныхъ націй, а не для племенъ, которыхъ все право состоитъ только въ томъ, чтобы быть перерождаемыми и развиваемыми первыми». (*Ich vindicire das Recht der Nationalität nur den grossen Cultur Nationen, nicht den Rassen, deren Recht vielmehr nur darin besteht, von jenen assimiliert und entwickelt zu werden.* См. *Briefe von F. Lassalle an C. Rodbertus—Jagetzow*, 56—57).

Слова Лассалля показываютъ, что нѣмецкіе социалисты далеко не отгнѣпились отъ воинственнаго отношенія къ юго-восточнымъ

ихъ сосѣдямъ. И дѣйствительно, вполнѣ шовинистическій націонализмъ по отношенію къ славянамъ обнаруживаютъ и многіе изъ нѣмецкихъ социалдемократовъ, даже члены Интернаціонала, какъ это показало особенно во время послѣдней славянской войны противъ Турціи. Мы отсылаемъ читателя особенно къ рѣчамъ и брошюрамъ Либкнехта («*Zur Orientalischen Frage oder soll Europa kozakisch werden*» и «*Die Orientdebatte im deutschen Reichstage*»). Съ перваго раза можетъ показаться, что люди, въ родѣ Либкнехта, стоятъ за «интернаціональные интересы противъ принципа національностей, который раздѣляетъ народы», — противъ російскаго деспотизма, угнетающаго всѣ народы, особенно Польшу, которой возстановленія требуютъ эти люди въ интересахъ свободы всей Европы, — и можно было бы находить, что если ихъ симпатіи антипатіи нѣсколько и односторонне направлены, и нѣсколько странно выражаются, то во всякомъ случаѣ имѣютъ въ основѣ гуманное начало. Но, вчитавшись внимательнѣе въ эти рѣчи и сообразивъ ихъ съ реальными условіями жизни народовъ между Эльбою и Чернымъ моремъ, видишь, что въ этихъ социалистахъ и интернационалистахъ живетъ все таки духъ старыхъ Генриховъ Птицелововъ и Святыхъ и прочихъ истребителей славянъ.

Эти господа противъ Россіи, — по за то они за Австрію и даже за Турцію. Австрія мила этимъ страннымъ интернационалистамъ, какъ часть «могучей илотины, которую воздвигъ германскій міръ отъ Сѣвернаго моря до Адриатики противъ славянства». Турецкія притѣсненія славянъ эти гуманисты считаютъ выдумкою и заявляютъ, что «нельзя показать ни одной головы южно-славянской, которая бы дѣйствительно стремилась на волю». Изъ всѣхъ славянъ дѣлается исключеніе для однихъ поляковъ, — по, очевидно, только потому, что поляки противники Россіи, — при чемъ, конечно, подъ Польшею демократы, въ родѣ Либкнехта, не видятъ не-польскихъ и мужицкихъ народовъ (литвиновъ, бѣлоруссовъ, украинцевъ), которыхъ столько же нѣтъ резона отдавать въ возстановленной Польшѣ, какъ и сохранять во власти деспотовъ Россіи. Такія, очень условныя, симпатіи къ Польшѣ Либкнехтовъ, даютъ полное основаніе предполагать, — что, ставъ Польша дѣйствительно самостоятельной, съ своею политикою, а не какъ орудіе только для нѣмецкаго *Drang nach Osten*, — то и Либкнехты отнеслись бы къ ней такъ же, какъ и Рошеры, т. е. какъ къ ускользающему изъ рукъ ихъ полю для нѣмецкой колонизаціи. И дѣйствительно, мы каждый день видимъ въ нѣмецкой прессѣ, особенно демократическо-прогрессистскаго направленія, плачи о Польшѣ, когда дѣло идетъ о Россіи, и крики противъ поляковъ, когда дѣло касается, напр., Познани*).

*) Въ виду этого, а равно въ виду совершенно негуманнаго отношенія Либкнехта къ другимъ славянамъ, кромѣ поляковъ, нельзя назвать тактичнымъ сочувственнымъ разобраніемъ нами Либкнехтовымъ рѣчамъ и брошюрамъ отзывъ въ предисловіи къ польскому переводу его, — въ общемъ совершенно благонамѣренной, — брошюры «*Zu Trutz und Schutz*». Переводъ этотъ («*W obronіe praw*»

Все это показывает, как мало могут ожидать славянские народы доброго к себе отношения даже от демократически-прогрессивных немецких партий, не исключая значительной доли социаль-демократов, которые еще недавно цѣлкомъ стояли на точкѣ зрѣнія Листовъ, при чемъ громилъ не только русскій царизмъ, но и русскій империализмъ и называли и такихъ людей, какъ Герценъ и Бакунинъ, царскими агентами. У Герцена находимъ прекрасныя характеристики этого смѣшенія духа старыхъ саксонскихъ императоровъ съ новымъ космополитизмомъ и социализмомъ у немецкихъ *Umwälzungsmänner*. Одна изъ этихъ характеристикъ была уже приведена нами въ «Вольномъ Словѣ» изъ «Колокола» (15 янв. 1859); по въ виду приведенныхъ выше словъ Листа о томъ, что Россія станетъ еще опаснѣе, если получить «человѣческую голову», — мы считаемъ нелишнимъ повторить здѣсь эти слова Герцена: «Есть ограниченныя умы и узкія народныя ненависти; они невидятъ, не разсуждая. Возьмите статьи немецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ, и взгляните въ ихъ злую ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому... Если бы эта ненависть сопряжена была съ какою нибудь желаніемъ, чтобы Россія, Польша были свободны, норвали бы свои цѣли, — я бы понялъ это. Совсѣмъ не то. Такъ, какъ средневѣковые люди, невидя евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ государственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклепанныхъ умовъ»^{*}). Описывая немецкую революціонную эмиграцію 1848 г., Герценъ говоритъ (Сочиненія, т. VIII, 311—312): «Все немецкіе революціонеры большіе космополиты; sie haben überwunden den Standpunkt der Nationalität, (они

ду», Genewa. 1882) только что вышелъ въ изданіи общества «Lud Polski», отъ имени котораго написано и безусловно сочувственное Либкнехту предисловіе, какъ человѣку, всегда желавшему «возстановленія Польши». Неужели же «Lud Polski» разделяетъ всѣ идеи, которыми мотивировалъ и проводилъ Либкнехтъ свои пожеланія освобожденія Польши? Было бы печально, если бы на это пришлось отвѣтить утвердительно!

^{*} То, что теперь говорится въ немецкой, даже въ прогрессистской, печати по поводу рѣчей Скобелева и въ томъ числѣ по поводу его сочувственнаго покаянныя тостъ его въ Варшавѣ, даетъ намъ основаніе выписать здѣсь слова наши, сказанныя въ брошюрѣ «Le Tyranicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale»: «Немецкая пресса руководится (въ отношеніи Россіи) чувствами династическаго сервилизма, соединенными съ племенными ненавистями и расчётами прусской политики. Она хорошо понимаетъ, что, съ наступленіемъ свободы въ Россію, положенъ будетъ конецъ привилегіямъ немецкихъ бароновъ въ Балтійскихъ провинціяхъ Россіи и ихъ преобладанію въ русской бюрократіи и что свободная Россія перестанетъ быть оружіемъ въ рукахъ Пруссіи и всѣхъ Священныхъ союзовъ». «Немецкая печать кричала уже на пожаръ, когда въ Россію поднялся вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; она теперь всегда кричитъ въ такомъ же родѣ, когда зайдетъ рѣчь о введеніи въ Россію политической свободы, какъ она кричитъ о наслѣдственномъ империализмѣ, когда зайдетъ рѣчь объ удовлетвореніи самыхъ справедливыхъ требованій возмущенныхъ имперіи царя, напр. поляковъ. И одна-когда она называетъ Россію землею кнута (Knutland) и оплакиваетъ участь Польши, когда нужно очертить не только правительство, но и общество русское въ глазахъ Европы, какъ это дѣлалось во время послѣдней войны». (ор. с. 1. 14—15).

переросли точку зрѣнія національностей) — и всѣ исполнены самаго раздражительнаго, самаго упорнаго патриотизма. Они готовы принять всемірную республику, стереть границы между государствами, но чтобы Триестъ и Данцигъ принадлежали Германіи». (Боясь удлинить статью, мы опускаемъ любопытныя примѣры того, какъ немецкіе либералы и революціонеры 1848 г. относились не только къ славянамъ, но и къ Италіи, которая тоже будто бы по космополитически-культурнымъ соображеніямъ должна была, по ихъ мнѣнію, подчиниться Австріи).

Въ другомъ мѣстѣ (въ Колоколѣ, 1862, стр. 119—120) Герценъ говоритъ:

«Бакунинъ страшно заплатилъ за благородную ошибку, за несбыточную мечту общаго дѣйствія съ немецкими демократами. У большей части немцевъ слишкомъ развита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что немецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу своего народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но немецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобы онъ презиралъ свой народъ и не съ немецкую цивилизацію дикарямъ, забывалъ, что у насъ на это, сверхъ Петербурга, есть Кур—Эст — и Лифляндія, а у чеховъ и западныхъ славянъ Австрія».

Въ виду такого отношенія немецкой публики разныхъ партий къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ, не удивительно, если время отъ времени во всей Европѣ поднимаются разговоры о предстоящей генеральной баталіи между германствомъ и славянствомъ за обладаніе страной между Эльбой и Адриатическимъ и Чернымъ Моремъ. Такая баталія, по истинѣ, не есть вещь невозможная. Правда, есть люди, которые находятъ, что она будетъ предупреждена торжествомъ социализма, какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи и Россіи, — и что, если бы даже раньше этого времени политическія столкновенія и привели къ такому или иному передвиженію немецкой политической или даже этнографической границы въ ущербъ государствамъ и племенамъ славянскимъ, то основныя интересы народовъ мало бы отъ этого пострадали.

Съ этимъ успокоительнымъ ожиданіемъ нельзя однако согласиться безусловно: во первыхъ, социалистическое движеніе нигдѣ еще не достигло такой практической силы, которая бы давала убѣдительное основаніе вѣрить въ очень скорое его торжество надъ всѣми прочими политическими факторами. Во вторыхъ, и самое социалистическое и даже вообще оппозиціонное движеніе само можетъ подвинуть правителей Пруссіи на восточную войну, какъ на средство отвлеченія общественной энергіи и вымѣстѣ привлеченія колонизаціи немецкой въ новыя страны, — при чемъ многіе прогрессистскіе и социалистическіе элементы несомнѣнно будутъ довольны борьбою «съ варварскимъ и деспотическимъ міромъ славянства». Въ результатѣ же побѣды германства должна выйти не только задержка торжества демократіи въ самой Германіи, но и новое насажденіе феодальныхъ элементовъ въ славянскихъ странахъ, на которыя наляжетъ немецкая бюрократія, капиталисты и даже колонизація вообще, —

какъ это происходило и до сихъ поръ во всѣхъ странахъ, въ которыхъ одна національность насаждала на другую. Наконецъ, самое социалистическое движеніе, по всей вѣроятности, подобно всему на свѣтѣ, будетъ подчиняться тѣмъ законамъ, по которымъ все новое появляется не сразу въ совершенномъ видѣ, а въ извѣстномъ приспособленіи къ существующему, — т. е. въ каждой странѣ приспособляясь къ ея степени политическаго и экономическаго развитія, къ пріобрѣтеннымъ національнымъ привычкамъ и проч. Съ этой стороны показанное выше смѣшеніе у многихъ, но крайнее мнѣніе, немецкихъ социал-демократовъ, духа Генриха Святаго съ идеями интернаціональнаго социализма, представляетъ мало утѣшительнаго для людей, желающихъ скорѣйшаго прекращенія племенной борьбы въ средней Европѣ. Въ одной изъ своихъ рѣчей (на юррембергскомъ рабочемъ конгрессѣ 1868 г.) тотъ же Либкнехтъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Одинъ изъ предшествовавшихъ ораторовъ говорилъ въ пользу всеобщаго разоруженія. Я тоже стою за него. Но оно только тогда можетъ наступить, когда всѣ враги народовъ будутъ сдѣланы безвредными. А это еще не скоро настанетъ. Для Германіи и Франціи часть освобожденія, кажется мнѣ, не далека. Но съ нашимъ освобожденіемъ мы еще не будемъ у цѣли; намъ останется еще совершить кровавый трудъ, исполнить святой долгъ: разрушеніе Россіи, возстановленіе Польши (курсивъ въ подлинникѣ). Намъ предстоитъ отбить двуглавою русскому орлу голову, обращенную къ западу; мы должны искупить преступленіе совершенное относительно Польши нашими государями, а именно преступленіе самаго каварнаго и не-немецкаго между ними, Фридриха — «Великаго», какъ называютъ его фальсификаторы исторіи. Только тогда, когда деспотизмъ будетъ выпнанъ изъ своего послѣдняго убѣжища, народы смогутъ разоружиться. До тѣхъ поръ мы должны настаивать на нашемъ требованіи всеобщаго вооруженія: каждый гражданинъ долженъ быть солдатомъ и каждый солдатъ гражданиномъ» (курс. подл.).

Безъ всякаго сомнѣнія, уничтоженіе деспотизма въ Россіи и разрушеніе ея централизаціи (если не союза теперь поработанныхъ ею народовъ) и возстановленіе автономіи польскихъ областей (копечно, дѣйствительно польскихъ, а не историческаго польскаго государства) составятъ настоящую необходимость дальнѣйшаго прогресса Европы. Но все это освободительное дѣло должно быть совершенно для самихъ народовъ Россіи и ими самимъ. Только въ послѣднемъ случаѣ оно можетъ и совершиться вполне успѣшно. Исторія уже показала, что, когда подобное дѣло затѣвается со стороны, — то изъ него не выходитъ ничего добраго не только для объекта освобожденія, но и для субъекта и для сохраненія идеи свободы даже въ ея теоретической чистотѣ. Такъ, когда французы въ великую революцію принялись освобождать военными походами своихъ восточныхъ сосѣдей, то довели ихъ и себя, а дальше и идею революціи, — до Наполеона! То же самое стало бы и съ немца-

мп, если бы они, даже предводимые Лассалем и Либкнехтами, — не говоря уже о Бисмарках, — предприняли разрушение России и восстановление Польши, — и темъ еще болѣе, что выписанныя выше фразы Лассала о нѣмецкихъ солдатахъ на Босфорѣ и Либкнехта о «плотинѣ, воздвигнутой нѣмецкимъ міромъ противъ славянства» показываютъ, что у нѣмецкихъ освободителей осталось гораздо болѣе національнаго шовинизма и завоевательной (и неизбежно монархической) закваски, чѣмъ даже у французскихъ якобинцевъ время великой революціи.

Вотъ почему даже людямъ, раздѣляющимъ социалистическія идеи, нѣтъ основаній очень оптимистически смотрѣть въ ближайшее будущее племенныхъ отношеній въ средней Европѣ, и въ особенности возлагать слишкомъ оптимистическія надежды на нѣмецкую социаль-демократію. Въ области социалистической политики, социалисты славянскихъ народностей, особенно ближайшихъ къ нѣмцамъ сосѣдей, (эстовъ, латышей, литовцевъ, поляковъ, чеховъ, словенцевъ), должны позаботиться объ организаціи демоса своихъ народовъ для самостоятельной борьбы со своими общественными и экономическими феодалами, — между которыми громадной процентъ принадлежитъ нѣмецкой національности, — борьбы, всѣ плоды которой были бы сохранены именно для этихъ народовъ, а не для благодѣтелей со стороны. Только при такой самостоятельной организаціи социалистическихъ партій среди сосѣднихъ съ нѣмцами народовъ будетъ обезпеченъ успѣхъ пропаганды социалистическихъ идей среди этихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ образованы элементы, — говоря языкомъ Либкнехта, — «могучей плотины» противъ шовинизма и феодализма даже среди нѣмецкихъ массъ, плотина, полезной даже для самихъ этихъ массъ, такъ какъ она предохранитъ ихъ отъ господства Наполеоновъ и Бисмарковъ. Но рядомъ съ этимъ и социалисты положительно-научнаго, а не въ своемъ родѣ религіознаго воспитанія должны же понимать, что исторія есть очень сложный процессъ, въ которомъ принимаютъ участіе разныя силы, политическія, національныя и т. п., — и понимать значеніе и многихъ изъ теперь дѣйствующихъ общественныхъ элементовъ, еще далекихъ отъ идей интернаціональнаго социализма, но все таки могущихъ способствовать прекращенію теперешняго наступленія одной націи на другую и всѣхъ нравственныхъ и социально-экономическихъ послѣдствій такого наступленія: междуплеменной свѣси и вражды, усиленной феодализацией собственности и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что, подобно тому, какъ объединеніе Италіи и Германіи, положивши предѣлъ хозяйничанью французскихъ правительствъ въ Франціи, способствовало развитію миролюбивыхъ и космополитическихъ идей во Франціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращенію вниманія французскихъ къ внутреннимъ вопросамъ, — такъ же и преобразование Австріи, Россіи и Балканскихъ странъ въ такіе политическіе союзы, въ которыхъ бы каждый народъ получилъ возможность прочной организаціи своихъ силъ, — оста-

новило бы воинственные стремленія Германіи къ господству на Востокѣ и послужило бы въ пользу самихъ населеній Германіи.

Къ сожалѣнію, многіе политическіе люди даже въ славянскихъ земляхъ гораздо болѣе думаютъ о возможности остановки завоевательнаго движенія Германіи исключительно силою подобной же ей воинственной организаціи, напр., Россіи, чѣмъ о прочной организаціи непосредственно угрожаемыхъ Германіей народовъ, — при чемъ не совсѣмъ у мѣста ссылаются на примѣры Пьемонта и Пруссіи, которые остановили экспансивное стремленіе Франціи. Между тѣмъ, какъ эти надежды на Россію, такъ равно и всѣ мистическія соображенія о столкновеніи между Россіей и Пруссіей, какъ между представителями двухъ міровъ, — соображенія, которые мы находимъ одинаково на германской, какъ и на славянской сторонѣ, — такъ и невниманіе къ экспансивному движенію нѣмцевъ на Востокъ, происходятъ отъ недостатка анализа сущности германскаго движенія на Востокъ и роли и положенія русскаго государства по отношенію къ западнымъ его окраинамъ и сосѣдямъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

М. Драгомановъ.

ИЗЪ ДУБРОВНИКА.

(Отъ корреспондента «Вольнаго Слова».)

Не смотря на то, что, какъ я писалъ вамъ, главнымъ театромъ теперешней борьбы сербскаго народа съ Австріей уже давно сдѣлалась сѣверная Герцеговина, я все таки оставался въ Боккѣ. Мнѣ было трудно разстаться съ краемъ, не увидавъ рѣшительнаго дѣйствія, не составивъ себѣ мнѣнія о шансахъ успѣха криванскихъ юнаковъ. Къ тому же, пребываніе въ Боккѣ, особенно же въ Которѣ, знакомяло меня съ австрійскими приготовленіями и вообще съ военною и административною системою Австріи въ славянскихъ земляхъ, о которой стоило бы сообщить вамъ многое, если бы не было предметовъ болѣе жгучаго интереса: еще важнѣе было видѣть отсюда, какъ Австрія все болѣе и болѣе запускаетъ лану въ Черногорію, какъ она опутываетъ, если не народъ черногорскій, то весь правительствующій людъ, этотъ верхній слой, все болѣе и болѣе выдѣляющийся изъ народа и становящийся ему чуждымъ.

Да! на что другое, а на коррупцію австрійцы молодцы! какъ они умѣютъ каждому обѣщать золотыя горы, а давать по камешку! Весь цетинскій «дворъ», всѣ «принципы крови» (Петровичи, Радоничи), самъ князь — уже давно у Австріи «на содержаніи». Но пусть бы ужъ только Австрія соблазнила однихъ парижско-цетинскихъ бульвардьеровъ, хоть совсѣмъ бы ихъ взяла къ себѣ, — а то теперь австрійскіе агенты больше всего принялись за настоящихъ черногорскихъ главарей. Теммель ходитъ ко всякому, глядитъ, чего ему не достаетъ, жалѣть его начинаютъ: «ахъ! какъ бы хотѣлъ помочь! онъ князю скажетъ, а если князь не поможетъ, такъ Теммель цесарю напишетъ: цесарь такъ богатъ, такъ могущественъ, такъ добръ, такъ любитъ черногорцевъ» и т. д. — Черезъ нѣсколько времени опять Теммель говоритъ: «цесарь готовъ награждать васъ и по-

жаловать и большимъ, но вамъ нужно прежде заслужить его милость; сдѣлайте вотъ то и то». Кто же противится, того Теммель обноситъ передъ княземъ. И одинъ за другимъ главари (по крайней мѣрѣ столичные) являются должниками Австріи, или служатъ ей въ ожиданіи будущихъ благъ. Труднѣе всего было залучить Машо Врбичу, умнѣйшаго изъ черногорскихъ воеводъ; но его такъ задарили австрійцы (сыновья его всѣ воспитываются на счетъ австрійскаго императора), что говорить, хотя и не хочется вѣрить, что и Врбича попался въ сѣти.

Одного только не разсчитываютъ въ Вѣнѣ. Забравши въ руки всѣхъ главарей, заставляя ихъ себѣ служить въ противорѣчіи съ понятіями и чувствами пхъ народа, Австрія отчуждаетъ ихъ отъ послѣдняго и приготовляетъ народную реакцію противъ нихъ и противъ собственнаго вліянія.

Впрочемъ, ошибка можетъ быть и другого рода. Какъ въ прежніе годы, русскій агентъ, Юнишъ, увлекался своимъ прекраснымъ сердцемъ, такъ довѣрился цетинскому «двору», что сдѣлался проводникомъ его интересовъ даже въ ущербъ интересамъ русскимъ, такъ и теперь Теммель, хотя гораздо болѣе хитрый и разсчитливый, нежели добрякъ Юнишъ, повидимому, все таки подпалъ подъ вліяніе князя Николая. По крайней мѣрѣ, его содѣйствіе эмпраціи семействъ возставшихъ герцеговинцевъ въ Черногорію и поддержка или одобреніе идеи отдачи князю Николаю новаго кусочка Герцеговины не могутъ быть объяснены австро-венгерскими интересами. Прежде чѣмъ согласиться на новый раздѣлъ несчастной страны, Австро-Венгрия слѣдовало бы подумать, — купитъ ли она этимъ поступкомъ, который еще болѣе вооружилъ бы противъ нея населеніе занятыхъ ею странъ, что нѣбудь существенное, и можно ли положиться на увѣренія правителей, обманывающихъ свой собственный народъ?

(Три дня спустя.)

Столкновеніе, котораго я ждалъ, наконецъ произошло и оно было, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшено въ пользу громаднаго перевѣса матеріальной силы надъ личною храбростію и одушевленіемъ. Я говорю о занятіи австрійцами Леденицы, ближайшаго пункта къ землѣ Кривованъ, о которомъ вы уже, конечно, знаете изъ газетъ. Сраженіе, при этомъ происшедшее, можно сказать, слышала и видѣла вся Бокка. Уступы горъ, на которыхъ лежитъ Кривованъ, поднимаются у самаго берега надъ городомъ Рисанъ; передовая позиція Кривованъ могла быть поэтому обстрѣливаема не только баттарейми съ разныхъ пунктовъ твердой земли, но и орудіями австрійской эскадры, сосредоточенной въ рисанскомъ заливѣ. Въ Рисанѣ и другихъ городахъ Бокки стекла вылетали изъ оконъ и самыя стѣны дрожали, какъ бы отъ землетрясенія; жители всѣ выбѣжали изъ домовъ и смотрѣли съ боязнью и ужасомъ на удивительное зрѣлище. На канонаду кривоване отвѣчать не могли, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни одной пушки; но, когда пѣхотныя колонны пошли въ атаку, то имъ досталось порядочно отъ меткихъ выстрѣловъ неустрашимыхъ горцевъ. При всякой схваткѣ въ рукопашную, австрійцы здѣсь, какъ и въ Герцеговинѣ, разумѣется, были побиваемы и принуждаемы отступать. Тѣмъ не менѣе дѣло окончилось занятіемъ Леденицы и окружающихъ

высотъ, на которыхъ австрійцы пока и остаются.

Леденице, Гребенъ и прочее, это дверь изъ Кривошья въ Приморье и наоборотъ. Кривошане завладѣли ею только мѣсяцъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ держали въ страхѣ всѣ крѣпости и города, занятые войсками. Иовановичъ все укрѣплялся и собиралъ войска, и началъ дѣйствовать только тогда, когда смѣлое нападеніе кривошанъ на городокъ Перасто сдѣлало это необходимымъ. Теперь Леденице занята 6 батальонами съ 4 горными орудіями (около 3,500 чел.), за ними же у берега стоитъ 12,000 войска; такъ какъ кривошанъ не болѣе 500 человекъ, то австрійцы довольно безопасны. Но я иду далѣе и предполагаю, что Иовановичъ вступитъ и въ самое Кривошье и овладѣетъ всѣмъ этимъ округомъ. Что будетъ тогда? Кривошане, правда, потеряютъ свою собственную территорію, на которой они уже 5 мѣсяцевъ живутъ въ полной независимости, но за то, принужденные отступить въ Герцеговину, они выйдутъ изъ своего теперешняго бездѣйствія и надѣлаютъ тамъ гораздо болѣе хлопотъ австрійцамъ, которые, пожалуй, раскаются, что не оставили ихъ въ покоѣ.

Я счелъ нужнымъ представить вамъ истинное положеніе въ Боккѣ, особенно вслѣдствіе того полнѣйшаго незнанія его *), которое замѣчаю изъ всѣхъ русскихъ газетъ, здѣсь получаемыхъ. Большею частію, онѣ ограничиваются перепечатываніемъ изъ газетъ австрійскихъ, особенно изъ офиціальной «Politische Correspondenz»; къ этому онѣ прибавляютъ просто выдуманныя вещи, ни съ чѣмъ несообразныя. Сочувствіе же юго-славянамъ, онѣ думаютъ показывать, представляя ихъ положеніе въ благопріятномъ свѣтѣ: такъ, вмѣсто 500 кривошанъ, у нихъ выставлено 5000 съ нѣсколькими пушками, съ многими черногорцами и другими славянскими волонтерами и т. д. Какъ будто не гораздо удивительнѣе и не болѣе честно съ 500 удерживать 15,000 неприятеля? Волонтеровъ же никакихъ ни въ Кривошѣ, ни въ Герцеговинѣ нѣтъ и быть не можетъ. Черногорцевъ не пускаетъ ихъ правительство; другіе же славяне или не-славяне по этимъ горамъ лазить не могутъ—и потому негодятся.

Иногда бываетъ, что русскія газеты, перепечатывая изъ австрійскихъ свѣдѣнія о возстаніи и вообще юго-славянскомъ движеніи, забываютъ даже переименовать выраженія; и вотъ, въ корреспонденціи русской газеты (напр., «Новаго Времени») сплошь и рядомъ приходится читать: о «панславистскихъ агитаторахъ», вербующихъ комитетахъ, агентахъ изъ Москвы и проч. «С.-Петербург. Вѣд.» объявили, какъ собственное извѣстіе, что на балканскомъ полуостровѣ и въ Россіи образовалось 63 комитета для пособія возстанію!! Австрійцы и немцы часто заимствуютъ вновь изъ русскихъ газетъ эти извѣстія и указываютъ на нихъ,

какъ на доказательство русской пропаганды.

Я не знаю, собираютъ ли ваши славянскіе комитеты деньги и посылаютъ ли они сюда волонтеровъ, но я могу категорически увѣрить васъ, что изъ Россіи возставшіе не получили въ помощь ни одного человека и ни одной копѣйки. Помогать возстанію и разсказывать объ этомъ во всеуслышаніе—неразсчитливо, но не помогать и хвастаться помощью—просто глупо!

Въ самой Герцеговинѣ число всѣхъ возставшихъ не превышаетъ 1500 чел.; противъ нихъ «оперируютъ» 35,000 регулярнаго войска, а около 40,000 «поддерживаютъ» (unterstützen) ихъ операціи. Не правда ли, что эти дѣйствительныя цифры несравненно эффектнѣе всѣхъ выдуманныхъ? Съ такими силами, съ прекрасными горными орудіями, съ отрядами пионеровъ, съ ученымъ генеральнымъ штабомъ и отличными генералами, австрійская армія производитъ тѣ мудренныя «концентрическія движенія», о которыхъ еще Суворовъ говорилъ, что лучше ихъ и изобрѣсти невозможно и что ихъ единственный недостатокъ—совершенная невыполнимость. Ну, а если такъ было на равнинахъ Ломбардіи, то что сказать объ ученой стратегіи на скалахъ Герцеговины?

П—ичъ.

Р. S. Раскрываю письмо, чтобъ сообщить свѣдѣнія, которыя считаю весьма важными. Цетинскіе агенты подговариваютъ герцеговинцевъ прекратить борьбу и бѣжать въ Черногорію, гдѣ князь обезпечитъ ихъ содержаніе и будетъ хлопотать за нихъ передъ Австріей; если же это ему не удастся и Австрія не дастъ амнистіи, то онъ «оставитъ у себя герцеговинцевъ и будетъ любить ихъ, какъ своихъ черногорцевъ». Въ ожиданіи этого перехода, князь уже теперь проситъ у Австріи новыхъ денежныхъ средствъ и за тѣмъ же обращается и къ Россіи. Признаюсь, я не знаю ничего, что было бы болѣе гибельно—не для возстанія только,—а и для будущности Герцеговины вообще, какъ удача этого хитраго плана. Во время послѣдняго возстанія, князь Николай позволялъ провозить черезъ Черногорію хлѣбъ и оружіе для усташей, хотя и забиралъ большую часть того и другаго для себя и своихъ. Этою, хотя и незначительною, помощью онъ пріобрѣлъ вліяніе на усташей и распорядился ихъ движеніями, т. е. не позволялъ имъ предпринимать ничего важнаго или отдаленнаго, а держалъ ихъ у черногорской границы и заставлялъ осаждать Никшичъ, которымъ хотѣлъ самъ завладѣть. Теперь онъ ни въ чемъ не помогаетъ возставшимъ, и они дѣйствуютъ независимо и предпринимаютъ хорошо обдуманная предпріятія, какъ напр., сосредоточиваніе въ Загорьѣ, движеніе на Фочу, угроза Сараеву, пресѣченіе дороги между Сараевомъ и Мостаромъ. Разъ усташа послушаютъ князя и начнутъ переходить въ Черногорію,—они погибнутъ. Ихъ обезоружатъ и задержатъ; оставшихся уничтожатъ австрійцы; тогда и начнется торгъ цетинскаго правительства съ вѣнскимъ: какъ и за сколько выдать этихъ заложниковъ? Герцеговина, т. е. славянское населеніе, пропадетъ тогда совершенно; ее заселятъ неизбежно немцами изъ Вюртемберга и Саксоніи; въ Черногоріи же увеличится населеніе (къ перешедшимъ усташамъ присое-

динятся ихъ семейства и вообще земляки), по перешедшіе герцеговинцы, конечно, не получатъ тамъ лучшаго положенія, чѣмъ то, которымъ тамъ пользуются сами черногорцы; а вы уже знаете *), что народъ черногорскій попалъ въ руки блики хитрыхъ и жадныхъ эксплуататоровъ. Чѣмъ же будутъ жить пришельцы въ странѣ, въ которой всѣ земли разобраны, гдѣ нѣтъ промышленности и гдѣ большинство населенія все болѣе и болѣе дѣлается батраками? Они, пожалуй, даже и труда себѣ не найдутъ, а останутся нищими, пока не вымрутъ. Но тутъ у князя другой расчетъ. Вѣдственное положеніе перешедшихъ въ Черногорію герцеговинцевъ, опять расписанное его агентами, откроетъ ему новый источникъ наживы: на прокормленіе бѣжавшихъ ему будутъ посылать деньги—австрійское правительство, какъ для своихъ подданныхъ и въ награду за услуги, оказанныя ему княземъ, русское правительство для поддержанія или, лучше сказать, возстановленія своего вліянія въ Черногоріи, русское общество изъ сочувствія къ несчастнымъ. Но опытъ 1875—78 гг. достаточно показалъ, какое употребленіе князь Николай и его воеводы дѣлаютъ изъ русскихъ денегъ. Объ этомъ въ другой разъ.

П—ичъ.

Мы получили изъ Сербіи слѣдующее сообщеніе:

ЗА ЦЕСАРЕМЪ СЛУЖБА НЕ ПРОПАДАЕТЪ.

Милостію и волею австрійскаго цесаря, служившій ему—невѣрою и правдою, а за наемныя деньги, съ измѣною чести и преданіямъ отечества,—Миланъ, именующій себя Обреновичемъ IV, произведенъ изъ князей въ король Сербіи.

Утѣшитъ ли бѣдный народъ сербскій эта мишурная корона на головѣ «шутѣйшаго» изъ правителей въ потерѣ независимости, въ экономическомъ раззореніи, въ безславіи влѣтъ потоки крови своихъ братьевъ, проливаемыхъ тою же рукою, которая ласкаетъ Милана?

Послѣдній царь всѣхъ Сербовъ, сидѣвшій на тронѣ Душана Сильнаго, когда его народъ бѣдствовалъ и враги угрожали независимости страны, самъ захотѣлъ назваться княземъ. Неужели титулъ, добровольно принятый Лазаремъ, носимый Караджорджемъ, и Милошемъ, и владѣтелями Черногоріи,—не достаточенъ для настоящаго правителя Сербіи? или же, въ болѣе вѣрной оптикѣ своей личности, онъ считаетъ себя недостойнымъ называться такъ, какъ назывались царь-мученикъ, герои и потомки героев?

Народъ сербскій, весь народъ нашъ, отъ Дуная и Балканъ до Адриатическаго моря, уже давно украшенъ вѣнцомъ: онъ носитъ вѣнецъ терновый съ самаго дня Косовской битвы! Никогда, однако, вѣнецъ этотъ не кололъ такъ его наболѣвшія раны, какъ въ

*) См. статью «Соціальныя вопросы въ Черногоріи». № 22 «Вольн. Сл.».

*) До какой степени это незнаніе полное, можно видѣть изъ того, что вашъ «Правительственный Вѣстникъ» напечаталъ письмо своего спеціальнаго корреспондента, въ которомъ говорится объ одномъ изъ вѣстѣ въ Далмаціи, называемомъ Суторино. Кто изъ бывшихъ въ этихъ краяхъ или изъ читавшихъ газеты во время прошлаго возстанія не знаетъ, что Суторино находится въ Герцеговинѣ и что изъ нея нѣтъ никакого пути, ведущаго въ Кривошье, какъ объ этомъ разсказываетъ офиціальныя корреспонден-

настоящую минуту; падеть ли онъ подъ его бременемъ, или воспринять съ новою силою, къ новой жизни?

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНИЯ.

I. ГЕРМАНИЯ.

Симптомы приближения социального и политического переворота въ Германи: экономический и политический гнетъ; усиление революціоннаго настроенія въ средѣ социальной демократіи.

Германиа, пишетъ частнымъ образомъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ ветерановъ социальной демократіи, быстро приближается къ грандіозному революціонному кризису. Очерочка этого момента можетъ быть произведена только войною, которая возбудила бы патристически-шовинистскія чувства массы и отвлекла бы ея вниманіе на внѣшнія событія. И съ этой стороны, по его мнѣнію, весьма опасна для германскаго, какъ и для всего западно-европейскаго революціоннаго движенія, возможность войны съ Россіей, при чемъ несомнѣнная побѣда Бисмарка еще болѣе продолжила бы періодъ реакціи. На сколько основательны эти опасенія выдающагося социалиста-теоретика и публициста, судить не берусь. Одно слишкомъ очевидно, а потому несомнѣнно: это — приближеніе въ Германи революціоннаго взрыва, гораздо болѣе интенсивнаго и крупнаго по своимъ размѣрамъ, чѣмъ революція 48—49 гг. Рядомъ съ усиленіемъ экономической и политической безурядицы, мы видимъ, какъ, можно сказать, съ каждымъ мѣсяцемъ возрастаетъ недовольство существующимъ порядкомъ въ разныхъ классахъ народа и больше всего, конечно, въ сознательной части пролетаріата — среди социалистовъ.

Чрезвычайно сильная эмиграція, громадное уменьшеніе браковъ, полицейскій произволъ, самоубійства въ войскахъ и жестокое самоуправство солдатъ относительно народа — все это каждодневно свидѣлствуетъ, куда ведетъ Германию полуабсолютистскій режимъ и капиталистическое хозяйство. Вотъ цифры движенія браковъ съ 1872 по 1879 г. въ нѣсколькихъ государствахъ:

	1872	1873	1874	1875
Германиа	423,900	416,049	400,282	386,746
Англія и Уэльсъ .	201,267	205,615	202,010	201,212
Франція	352,754	321,238	303,113	300,427

	1876	1877	1878	1879
Германиа	366,912	347,810	340,016	335,113
Англія и Уэльсъ .	201,874	194,352	190,054	181,719
Франція	291,366	279,094	279,650	282,776

Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ самой Англіи, гдѣ капитализмъ достигъ апогея своего развитія, число браковъ за этотъ промежутокъ времени уменьшилось приблизительно на 10%, въ Германи уменьшеніе это достигло 20%. Во Франціи, мы видимъ, по крайней мѣрѣ, что съ 78 г. начинается опять возрастаніе цифры браковъ, въ Германи она съ неизмѣнной правильностью падаетъ. Въ Англіи и Уэльсѣ на каждыя 10,000 населенія было браковъ въ 1878 г. — 87, въ 1879 г. — 72, во Франціи въ первомъ году — 98, во второмъ — 76, въ Германи цифра браковъ на каждыя 10,000 упала съ 103 до 75, т. е. болѣе, чѣмъ на 25%.

«О какой суммѣ нищеты и лишеній говорить эти цифры, какое возрастаніе проституціи, половыхъ болѣзней и отчаянія свидѣлствуютъ эти цифры!» — справедливо замѣчаетъ «Соціалдемократъ» (№ 7). Какъ иллюстрація или дополнение къ этимъ цифрамъ, является возрастаніе самоубійствъ въ одной Пруссіи съ 2952 въ 1873 г. до 3055 въ 1875 г. *). Не менѣе, если еще не болѣе, краснорѣчиво характеризуетъ социально-экономическое состояніе Германи громадная цифра выселенія «гражданъ» въ 1881 г. въ другія страны, преимущественно, конечно, въ Америку, — 245,898. Когда же въ послѣднее время при обсужденіи въ рейхстагѣ программы предстоящаго собранія статистическихъ свѣдѣній относительно промысловъ и занятій (Berufsstatistik) социалистическіе депутаты предложили внести нѣсколько вопросовъ пунктовъ относительно заработной платы, продолжительности безработицы и т. д., то предложеніе это было отклонено.

Рядомъ съ экономическими страданіями, народъ терпитъ отъ произвола правительственныхъ охранителей. Въ послѣднее время въ Берлинѣ часовой при «инвалидной колоннѣ» убилъ выстрѣломъ изъ своего ружья двухъ мальчиковъ, а 3-яго легко ранилъ. Они, видите-ли, подшутили надъ его функцией охранителя колонны громадныхъ размѣровъ отъ всякихъ покушеній на нее. Недавно такимъ же образомъ былъ убитъ взрослый мужчина. И вообще насильственная расправа солдатъ съ мирными гражданами относительно не очень рѣдкое явленіе. Въ то же время, внутри войска дисциплина и власть надъ низшими достигаютъ такихъ размѣровъ и проявляются въ такихъ насиліяхъ, что число самоубійствъ среди солдатъ замѣтно возрастаетъ. Впрочемъ, среди «самоубійцъ» фигурируютъ и такіе, которыхъ какой нибудь унтер-офицеръ или фельдфебель до смерти истязалъ. Такъ, па дняхъ одного солдата застрѣли до смерти, а затѣмъ объявлено было, что онъ повѣсился.

Въ Кенигсбергѣ сидѣли на вокзалѣ 2 крестьянина и дочь одного изъ нихъ. Входитъ мѣстный полицейскій и, обращаясь съ двумя мысленной мимикой къ дѣвушкамъ, спрашиваетъ ее, не любовница ли она этихъ крестьянъ. Отецъ заявляетъ, чтобы полицейскій оставилъ ее въ покоѣ; затѣмъ начинается перебранка, кончающаяся тѣмъ, что крестьянинъ объявляется арестованнымъ. Полицейскій призываетъ его въ свое бюро, гдѣ запираетъ за собою дверь и готовится наказать должнымъ образомъ нескромнаго мужика. Къ счастью, послѣдній успѣлъ выхватить у полицейскаго оружіе и пустилъ его въ ходъ противъ него самого. «Да здравствуетъ самопомощь», замѣчаетъ поэтому поводу «Соціалдемократъ».

Рядомъ съ частнымъ, такъ сказать, неволею легальнымъ произволомъ, идетъ своимъ чередомъ травля социалистовъ, десятками ежемесячно запираемыхъ въ тюрьмы или изгоняемыхъ изъ мѣста ихъ жительства. На дняхъ, наиримѣръ, по доносу, изгнаны 14 человекъ изъ Берлина. Какъ водится, о нихъ

*) Kolb, Leipzig, 1879 г., стр. 508. Я опустилъ цифры, относящіяся къ самоубійцамъ ниже 10 лѣтняго возраста.

дадутъ знать въ Лейпцигѣ, Мюнхенѣ и т. п., и тамъ имъ въ свою очередь откажутъ въ правѣ осѣдлости, — пока они не будутъ вынуждены выселиться совсѣмъ изъ Германи.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ настроеніе массъ обостряется, интенсивность недовольства возрастаетъ, возникаетъ потребность въ проявленіи этого недовольства, до поры до времени хотя бы актами мести по отношенію къ наиболее зловреднымъ личностямъ. Разумѣется, выработка контингента подходящихъ для этой дѣятельности лицъ требуетъ времени, и въ началѣ потребность эта обыкновенно выражается въ преслѣдуемой партіи. Прежде мы видѣли только лондонскій «Freiheit», какъ представителя этой тенденціи. Но съ нѣкотораго времени все рѣшительнѣе въ этомъ направленіи высказывается и «Соціалдемократъ». И характерно, что за вторую половину 1881 г. число абонентовъ этой газеты въ Германи чуть не удвоилось. Мало того, какъ только нашелся одинъ социалистъ въ Германи, который выразилъ порицаніе «Соціалдемократу» за его слишкомъ революціонный тонъ, тотчасъ посыпались одобренія органу изъ разныхъ концовъ Германи. Сами депутаты партій въ рейхстагѣ и саксонскомъ ландтагѣ, не смотря на свое крайне шекотливое положеніе, нашли нужнымъ прислать въ «S. D.» коллективное заявленіе своей солидарности съ газетой, какъ «безусловно официальнымъ органомъ партіи». Помимо заграничныхъ центровъ, гдѣ находятся группы социалдемократовъ (эмигрантовъ), подобныя заявленія получились изъ Лейпцига, Вюртемберга, Гессена, Гамбурга, изъ Готы, Хемница и т. д. «Мы вполне одобряемъ, пишетъ секція въ Марбургѣ, логическіе выводы «Соціалдемократа», извлеченные имъ только изъ жестокихъ мѣропріятій нашихъ противниковъ», которые отвѣтили на наши научные выводы «грубою силой». «Этимъ они навязываютъ намъ другія оружія, и мы должны учиться дѣйствовать ими, чтобы, вооруженные, какъ умственными, такъ и физическими оружіями, довести освобожденіе рабочихъ до его окончательнаго рѣшенія».

«Да, прыгнутъ изъ Лейпцига, мы имѣемъ право, если желаемъ идти впередъ, не судить впредь объективно, а, наоборотъ, повсюду сѣять ненависть и презрѣніе» противъ существующаго порядка; «жена и дѣти должны учиться ненавидѣть и презирать современное положеніе вещей». Въ то же время, въ саксонскомъ ландтагѣ, Бебель заявляетъ, что онъ и не думаетъ отрешиваться отъ солидарности съ «Соціалдемократомъ». Если послѣдній печатаетъ статьи возбудительнаго характера, то это объясняется чрезвычайнымъ преслѣдованіемъ, которымъ подвержена партія и которыя до чрезвычайности возбуждаютъ страсти народа. За каждое слово заграничной издающагося органа онъ такъ же малъ можетъ быть отвѣственнымъ, какъ Бисмаркъ относительно непосредственно отъ него зависящей прессы, но въ дѣломъ онъ одобряетъ тактику (die Haltung) органа своей партіи.

Новымъ симптомомъ усиливающагося революціонизированія передовыхъ элементовъ германскаго пролетаріата является возникновеніе

въ самой Германіи чисто революціонныхъ изданій. Такъ недавно появился въ Штеттинѣ листокъ подъ названіемъ «Мятежникъ» («der Rebell»), напечатанный въ «первой вольной типографіи» — «безъ обозначенія издателя или автора». Настроение социалистическаго пролетариата проявляется также въ усердіи всѣхъ секцій партій въ дѣлѣ сборовъ пожертвованій въ пользу общества «Краснаго Креста Народной Воли». Нужно помнить, что собиратели и жертвователи грошей въ пользу жертвъ русскаго деспотизма — подвергаются при этомъ риску попасть въ тюрьму, а затѣмъ изгнанію, что одновременно съ этими подписными листами циркулируютъ и подписные листы въ пользу сотенъ семействъ, разоренныхъ Бисмаркомъ и его сподвижниками, чтобы исполнѣ одѣнить значеніе какихъ нибудь 5—10 или 50 франковъ, посылаемыхъ разными рабочими группами на помощь «нашимъ братьямъ» въ другой странѣ. Такъ, изъ одного городка въ Вестфалии пишутъ, что крахъ Банту отразился и въ ихъ мѣстности тѣмъ, что рядъ мастерскихъ въ нѣсколькихъ отрасляхъ промышленности закрылись, что масса рабочихъ осталась буквально безъ хлѣба. Необходимо поддержать сверхъ того и много жертвъ домашняго политическаго произвола. Секція находится поэтому въ чрезвычайно критическомъ положеніи — и тѣмъ не менѣе, «мы постарались собрать, сколько могли», пишетъ ея довѣренный, чтобы хоть чѣмъ нибудь проявить свою солидарность съ борцами противъ деспотизма въ Россіи.

II.

ИСПАНІЯ.

Стачка типографчиковъ въ Мадридѣ.

Стачка типографчиковъ въ Мадридѣ, начавшаяся, если я не ошибаюсь, около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ и охватившая больше 80 мастерскихъ, близится къ концу. Громадное большинство хозяевъ приняло тарифъ рабочихъ, и только еще 15 фирмъ не хотятъ признать себя побѣжденными. Какъ подобаетъ правительству, являющемуся охранителемъ буржуазнаго строя, оно поспѣшило принять мѣры противъ руководителей рабочихъ. 15 человекъ комитета типографскаго союза были арестованы подъ предлогомъ «употребленія или насилія надъ нѣкоторыми изъ ихъ товарищей». Но такъ какъ пикомъ образомъ нельзя было подвести ихъ подъ этотъ параграфъ, то изобрѣли какое то новое обвиненіе — они виновны въ «махиначіяхъ для измѣненія цѣны вещей». Что сіе означаетъ — самъ прокуроръ, конечно, затруднится объяснить. Въ концѣ февраля ихъ пришлось выпустить, — разумеется, по внесеніи товарищами требуемаго залога. Само собою разумеется, что почти вся пресса обрушилась на стачечниковъ. Однако, послѣднимъ удалось одержать побѣду, благодаря своей серьезной организаціи, въ кассѣ которой и теперь еще находится 18,000 фр. Да кромѣ того, всѣ рабочія общества Мадрида и типографскіе союзы провинціальныхъ городовъ энергично поддерживаютъ стачечниковъ. Какъ только члены комитета вышли на свободу, они обратились къ рабочимъ съ манифестомъ, въ которомъ изложили исторію стачки. Кромѣ матеріальной побѣды рабочихъ надъ хозяевами, стачка имѣла еще и другой результатъ: число чле-

новъ Мадридскаго общества типографчиковъ равнялось до стачки 900 съ чѣмъ-то, теперь 1,200.

Корреспондентъ газеты «Egalité», у котораго я заимствую это описаніе стачки типографчиковъ, сообщаетъ между прочимъ, что рабочіе союзы сопротивленія въ Каталоніи могутъ по своей организаціи считаться первыми послѣ англійскихъ, и что во время продолжительныхъ стачекъ, когда средства начинаютъ истощаться, всѣ стачечники устраиваютъ общую кухню.

III.

ФРАНЦІЯ.

Процессъ углекоповъ Grand'Combe'a противъ компаніи. Профессиональные курсы ремесленныхъ обществъ. Общее собраніе патроновъ и рабочихъ. Агитація въ Роаннѣ въ пользу стачившихся ткачей.

Мы сообщили въ прошломъ № о приговорѣ 7 стачечниковъ-углекоповъ Grand'Combe'a. Теперь выброшенные на мостовую 300 или 400 стачечниковъ въ свою очередь намѣрены начать процессъ противъ своихъ бывшихъ патроновъ. Значительная часть этихъ рабочихъ въ теченіи 15, 20, 30 и 40 лѣтъ дѣлалъ правильно взносы въ инвалидную кассу, учрежденную компаніей. Теперь, когда патроны лишили работы всѣхъ «заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ какому нибудь республиканскому кружку или даже просто раздѣляющихъ республиканскій образъ мыслей» не только у себя, но и во всемъ департаментѣ Gard, этимъ несчастнымъ отказываютъ въ выдачѣ тѣхъ суммъ, которыя накопились въ инвалидной кассѣ изъ ежемѣсячныхъ вычетовъ изъ ихъ заработка. Интересно, чѣмъ кончится процессъ рабочихъ противъ капиталистовъ.

* * *

Въ послѣднее время въ газетахъ все чаще и чаще встрѣчаются извѣстія объ учрежденіи профессиональных курсовъ разными ремесленными обществами. Въ настоящую минуту передъ нами программа курсовъ союза рабочихъ бумажнаго производства. Такъ какъ эта программа можетъ дать представленіе о характерѣ этого рода курсовъ вообще, то приведемъ ее здѣсь:

1) Исторія Франціи и исторія профессій (должно быть, производство бумаги); 2) «географія бумаги»; 3) арифметика, задачи относительно вѣса и формата бумаги; 4) элементарный курсъ французскаго языка; 5) элементарная химія въ примѣненіи къ бумагѣ; 6) спеціальныя понятія о геометрическомъ черченіи.

* * *

Постоянный ростъ социальнаго антагонизма, проявляющійся не только въ агитаціи «рабочей партіи», но и въ непрерывныхъ стачкахъ, вызвалъ въ средѣ наиболѣе сознательныхъ элементовъ буржуазіи стремленіе «умиротворить» рабочіе классы сближеніемъ съ ихъ корпораціями и обсужденіемъ сообща съ ними тѣхъ реформъ, разумеется, безвредныхъ для господства капитала, которыя могли бы водворить миръ и гармонію между хозяевами и работниками. Одною изъ такихъ попытокъ является собраніе 23 января, созванное совместно «уніей ремесленныхъ обществъ Франціи» и «національной ассоціаціей торговли и индустріи». Предметомъ собранія были: причины стачекъ и ихъ послѣдствія, на кого падаетъ отвѣтственность за нихъ и какими средствами можно

устранить ихъ или, по крайней мѣрѣ, смягчить ихъ вліяніе. Со стороны ораторовъ союза хозяевъ чуть не вся причина стачекъ сводилась къ недоразумѣніямъ и подстрекательству со стороны нѣкоторыхъ рабочихъ, а главное лекарство противъ стачекъ — къ устройству посредническихъ палатъ. Ораторы рабочаго союза, хотя и очень умѣреннаго, все таки напирали на корыстолюбіе хозяевъ, указывали на необходимость доставленія рабочимъ участія въ прибыли и т. п. Собраніе разошлось мирно, но по нашему, въ немъ очень рельефно отразился непримиримый антагонизмъ капитала и труда, хотя инициаторы собранія и не вышли съ полнымъ сознаниемъ этого факта.

* * *

Агитація по поводу стачечниковъ-ткачей Роанна приняла такіе же, если не еще болѣе широкіе, размѣры, чѣмъ во время стачки углекоповъ въ Grand'Combe. И хотя стачечники имѣютъ противъ себя «союзъ» 11 крупныхъ фабрикантовъ, они держатся твердо, а корреспондентъ газеты «Justice» сообщаетъ, что хозяева начинаютъ колебаться и что среди нихъ раздаются голоса въ пользу уступокъ — очевидно подъ вліяніемъ единодушія стачечниковъ и активнаго содѣйствія имъ со стороны рабочаго населенія Роанна. Въ собраніи, организованномъ Гедомъ, собрано больше 400 фр. въ пользу стачечниковъ. Кромѣ того, устроивается большой вечеръ для той же цѣли и со всѣхъ сторонъ притекаютъ пожертвованія. Въ одномъ большомъ собраніи въ Роаннѣ приняты слѣдующія резолюціи: всѣ рабочія ассоціаціи города Роанна приглашаются немедленно приступить къ избранію изъ своей среды по 2 делегата для организаціи изъ нихъ «федеральнаго совѣта Роанна»; собраніе объявляетъ, что рабочіе Роанна возьмутъ на себя поддержку тѣхъ ткачей, которые будутъ прогнаны фабрикантами за участіе въ стачкѣ; собраніе предлагаетъ ремесленнымъ союзамъ предоставить имѣющимся у нихъ суммы въ распоряженіе центрального комитета стачечниковъ; затѣмъ, обращая вниманіе мелкихъ лавочниковъ на близость ихъ интересовъ съ интересами рабочихъ, собраніе приглашаетъ ихъ согласиться на счетъ открытія кредита на 50,000 фр. въ пользу ткачей.

СРЕДИ ГАЛИЦКОЙ СУМАТИЦЫ.

I. «Czas» и «Діло». Странную полеміку ведутъ между собою краковскій «Czas» и львовское «Діло» по вопросу объ отношеніяхъ поляковъ и русиновъ (украинцевъ) въ Галиціи. «Czas», — любезнѣе другихъ галицкихъ польскихъ газетъ, особенно т. наз. демократовъ и прогрессистовъ, въ родѣ «Dziennika Polskiego» и «Reformy», — признается въ «любви къ тому и другому языку [и церковному обряду русиновъ и желаетъ имъ (только!) охраны и развитія, — но подъ условіемъ, чтобы перестали употреблять ихъ, какъ это часто до сихъ поръ дѣлалось, орудіемъ политическаго, религіознаго и социальнаго переворота, а также враждебныхъ стремленій противъ Австріи». Газета львовскихъ говоруновъ, присвоившихъ себѣ имя «народовцевъ» и считающихъ за «украинофиловъ», въ трехъ №№ усовѣщиваетъ польскую газету,

что русины будутъ поконсервативнѣе поляковъ, повѣрнѣе ихъ римскому престолу, имѣютъ меньше социалистовъ и преданнѣе поляковъ австрійскому «престолю-отечеству». И это все расписывается, вмѣсто простѣйшаго отвѣта: такъ какъ мы живемъ прежде всего для себя, то и убирайтесь себѣ со всякими условіями! что для насъ покажется нужнымъ, то и будемъ дѣлать!

II. Кого слушать? — Пока образованные украинцы и въ Австріи, и въ Россіи не остановятся на такомъ языкѣ въ разговорахъ съ любезными сосѣдями — губернерами (какъ разъ въ родѣ «Czas» предлагалъ условія украинцамъ въ Россіи Юрій Самаринъ и за нимъ даже «Кіевлянинъ») и не построютъ всей своей работы на служеніи прежде всего своему народу въ духѣ радикальнаго европейскаго прогресса, — конечно, въ союзѣ съ подобными слугами и среди сосѣднихъ съ ними народовъ, — до тѣхъ поръ всякіе люди среди губернскихъ классовъ сосѣднихъ съ ними, но болѣе привилегированныхъ племенъ, — будутъ позволять себѣ такъ третировать ихъ народъ, какъ недавно позволилъ себѣ депутатъ австрійскаго парламента, г. Гаузнеръ, — польскій прогрессистъ и по временамъ славянофилъ. Этотъ краснорѣчивый ораторъ, говоря о послѣднихъ событіяхъ въ Галиціи, заявилъ, что русинскій народъ также относится къ польскому, какъ *plattdeutsch* къ *hochdeutsch* и что поэтому образованный русинъ становится полякомъ. Правда, другіе образованные русины становятся русскими, — москалями, — и затѣмъ получаютъ желаніе притянуть къ Москвѣ—Россіи и свой народъ, но этихъ г. Гаузнеръ не хвалитъ, такъ какъ это стремленіе не выгодно ни для поляковъ, ни для Австріи. Словомъ, г. Гаузнеръ, хоть и погрѣшаетъ противъ логики, но за то по своему говоритъ тоже самое, что по своему говорятъ объ украинцахъ московскіе философы. Кого же слушать бѣднымъ русинамъ? Г. ли Гаузнеровъ или г. Катковскихъ? или оба полка говорунновъ? или ни одного?! По логикѣ, или второе, или третье, — по здравому разуму и логикѣ вмѣстѣ, — третье!

III. *Caeterum censeo*. Впрочемъ, въ рѣчи г. Гаузнера есть одно вѣрное замѣчаніе о томъ, что русинскій народъ очень дружелюбно живетъ съ народомъ польскимъ. Г. Гаузнеръ только забылъ прибавить, что русинскій мужикъ зоветъ мужика польскаго мазуромъ, какъ началъ звать себя и самъ польскій мужикъ въ Галиціи, отдѣляя себя отъ поляковъ-пановъ. Къ послѣднимъ — не въ обиду будь сказано г. Гаузнеру—русини никогда особаго дружелюбія не питали, равно какъ и къ «Польшѣ», какъ государству. А такъ какъ къ этимъ панамъ и ихъ государству, которое продолжается и въ теперешней Галиціи, не питаетъ нѣжности и польскій народъ, — «мазуры», — то *caeterum censeo*: русинскимъ народовцамъ, — если они точно народовцы и сообразительные политики, — настоятельно слѣдуетъ выйти изъ тѣснаго національно-вѣроисповѣднаго круга и, ставши на интернаціональную демократическую и рационалистическую основу, поднять противопанскую и противоксендзовскую агитацию столько же среди русиновъ, сколько и

среди поляковъ-мазуровъ въ Галиціи. Интересно будетъ посмотрѣть, что тогда заговорятъ г. Гаузнеры....

IV. Прямая и косвенная ложъ въ газетѣ «честнаго» г. Аксакова. — Каждый исполняетъ свою роль по своему: австрійскіе жандармы обыскиваютъ и арестуютъ, польскія газеты науськиваютъ, львовскіе народовцы трусятъ и пустословятъ, а газета «честнаго» г. Аксакова — лжетъ! Въ № 7 «Руси» напечатана, съ особенно рекомендательнымъ примѣчаніемъ редактора, статья: «Польско-австрійскій терроризмъ въ Червонной Руси», — и въ этой статьѣ, главная цѣль которой была показать, какія бѣды терпитъ Россія отъ того, что не владѣетъ Галиціей, мы встрѣчаемъ слѣдующія увѣренія: «въ Львовѣ центръ украинской пропаганды, которая давно бы приняла опасный характеръ и размѣры, если бы идеи ея не были такъ антипатичны украинскимъ крестьянамъ; наконецъ даже австрійская прокуратура возбудила цѣлый рядъ преслѣдованій противъ галицкихъ социалистовъ, однако-жъ болѣею частью они были оправдываемы польскими судами на основаніи показаній, что ихъ агитация направлена противъ Россіи, а не противъ Австріи». Нагавивши такъ прямо, сотрудникъ «честнаго» г. Аксакова продолжаетъ лгать по косвенному способу: «Газеты (московскіе) «Слово», «Проломъ», «Страхонудъ», «Русская Рада» и т. д. будутъ, вѣроятно, закрыты и на мѣсто ихъ разосланы (къмъ? даромъ?!) подписчикамъ «Gazeta Narodowa», «Dziennik» и «Czas», а, можетъ быть, и какая нибудь Драгомановская газета изъ Швейцаріи».

Цѣль всей этой лжи понятна: увѣрить публику въ Великобританіи, что украинфильство, галицкіе социалисты и Драгомановъ — за одно съ австро-польскою полиціею, польскимъ панствомъ и т. п. На дѣлѣ было и есть вотъ что: съ 1877 г. въ одномъ Львовѣ было пять процессовъ противъ галицкихъ социалистовъ, преслѣдованій которыхъ рукоплескали столько же польскія газеты, сколько и органы мѣстныхъ москвофиловъ и трусливыхъ «народовцевъ», на которыхъ «Слово» и Ко гораздо раньше еще краковскаго «Czas»'а возводили отвѣтственность за появленіе въ Галиціи «инглизма». Ни одинъ галицкій социалистъ изъ русиновъ никогда не отрекался отъ намѣренія агитировать и противъ Австріи, т. е. противъ тѣхъ порядковъ въ ней, которые расходятся съ ихъ общественными идеалами. Всѣ они были осуждаемы на тюремное заключеніе отъ 1 до 6 мѣсяцевъ послѣ предварительнаго сидѣнія то же до 6 мѣсяцевъ. Два раза только, послѣ предварительнаго заключенія, была оправдана судомъ присяжныхъ (національнаго состава котораго мы не знаемъ) дѣвица Анна Павличкова (изъ крестьянъ), такъ какъ обвиненія противъ нея (въ составленіи тайныхъ революціонныхъ обществъ, оскорбленіи личности императора и т. п.) были слишкомъ уже натянуты. Но эта замѣчательная дѣвушка никогда не говорила на своихъ пяти процессахъ (въ Львовѣ и въ Коломиі) о Россіи, которой она не знаетъ, и постоянно открыто заявляла, что ведетъ и будетъ вести пропаганду идей социализма и рационализма среди своихъ зем-

ляковъ, потому что считаетъ эти идеи правдою, которую всякій человѣкъ обязанъ проповѣдовать, разъ онъ убѣдился въ ней, и которой проповѣдь никто не имѣетъ права останавливать. Такое поведеніе дѣвицы Павличковой, равно какъ и брата ея (редактора «Громадскаго Друга» и сотрудника «Громады»), сестры матери ея отца, — теперь умершаго, — за которое это семейство не знаетъ покоя вотъ уже пять лѣтъ, подвергалась обыскамъ, арестамъ, всяческому шikanамъ со стороны полиціи и поповъ, изгнанію и т. п., — возбудило совѣсть не антипатію, а, напротивъ, глубокую симпатію со стороны «украинскихъ крестьянъ», до которыхъ дошли слухи объ ихъ идеяхъ и страданіяхъ, — и въ 1879 и 1880 г. было въ украинской части Галиціи два процесса крестьянъ по поводу социализма и противнаго пововству направленія, изъ которыхъ послѣдній кончился приговоромъ нѣсколькихъ чловѣкъ къ аресту отъ 1 до 18 мѣсяцевъ.

Что касается до возможности разсѣли австро-польскими правительственнымъ партіями «какой нибудь Драгомановской газеты изъ Швейцаріи», — то пока извѣстно только то, что изданія «Драгомановской» «Громады» уже нѣсколько лѣтъ, какъ преслѣдуются въ Австріи и полиціей, и даже судомъ (благо ихъ некому защищать). — Газета «Вольное Слово», въ которой сотрудничаетъ «Драгомановъ», — была, тотчасъ по появленіи ея, запрещена къ обращенію въ Австріи, — при чемъ ловкіе люди въ австрійской печати, вмѣстѣ съ догадливыми «русскими революціонерами» изъ «Общаго Дѣла», успѣли пустить мысль, что газета эта есть органъ г. Игнатъева, конечно, не безкорыстный. Какъ отнесся оный Драгомановъ къ арестамъ тѣхъ самыхъ лицъ, которые десять лѣтъ клеветали на него и проводимое имъ направленіе, — клеветали въ родѣ «Руси» и называли его даже «продавшимися полякамъ», — свидѣтельство о томъ лежитъ передъ читателемъ «Вольн. Слова» и, мы увѣрены, — лежитъ передъ самымъ «честнымъ» редакторомъ «Руси».

Да, милостивые государи — изъ «Czas»'овъ, «Русей» и т. д., и т. д., бѣснуйтесь по поводу дѣла пробужденія украинскаго народа въ Австріи, какъ и въ Россіи, — лгите, клеветайте на слугъ этого дѣла, особенно на радикальныхъ украинскихъ федералистовъ и социалистовъ, — по вы не остановите ихъ дѣла! Дѣло это опирается на такую природную основу, какъ 20 милліоновъ несчастнаго, но крѣпкаго и даровитаго племени, сообразовано съ ходомъ культурнаго и общественнаго развитія всей Европы, ведется по строго разсчитанному плану, по медленному, но вѣрному приему, выражаемому пословицей: *gutta cavat lapidem non vi, sed semper cadendo* *), и рано или поздно возьметъ верхъ! И теперь самая горячность возни и клеветъ столь разнообразныхъ противниковъ этого дѣла по-казываетъ, что оно вовсе не безнадежно и дастъ еще одно изъ основаній слугамъ этого дѣла сказать: *errur si muove!* **).

М. Д.

*) Капля пробиваетъ камень не силою, а постояннымъ паденіемъ.

**) Слова Галилея: а все таки движется!